

очертить круг тех специалистов из числа наших современников, которые заслуживают особого упоминания в ДЭС. Однако совершенно ясно, что невозможно говорить, например, о разработке комплексного подхода к изучению народонаселения, не называя при этом Д. И. Валентя, или о современных приемах демографического анализа не упоминая А. Г. Волкова, или об экономике народонаселения без имени А. Я. Кваши. Точно так же развитие этнодемографического направления исследований неразрывно связано с именами С. И. Брука и В. И. Козлова.

Для полноты изложения содержания ДЭС нам осталось еще добавить, что издание включает справки обо всех советских и зарубежных периодических изданиях по вопросам народонаселения, данные обо всех международных организациях соответствующего профиля, о важнейших мероприятиях ООН в области народонаселения и многие другие сведения, которые просто невозможно перечислить в короткой рецензии.

Словарь завершают 17 приложений, которые помимо уже упомянутых справок о переписях населения в России и СССР содержат сведения о годах проведения переписей в отдельных странах мира в период с 1790 по 1982 г., сводку основных демографических показателей по зарубежным странам, а также важнейшие данные переписей населения 1959, 1970 и 1979 гг. Думается, не меньшую пользу всем читателям принесло бы включение в приложения перечня основных символов, применяемых в демографической литературе, с объяснением их значений и единиц измерения. По-видимому, если уж речь идет об удобстве читателя, имело бы смысл дать в приложении и сводку за ряд лет данных о динамике рождаемости, смертности и проч. по республикам СССР. Эти данные имеются в статьях по каждой республике, но сведение их воедино сделало бы более наглядными особенности воспроизводства населения отдельных республик.

Наконец, специально хочется отметить высокий уровень издательской культуры ДЭС, проявившийся, во-первых, в том, что все более или менее значительные статьи сопровождаются хотя бы краткой библиографией, а во-вторых, в том, что именной указатель содержит биографические справки обо всех 272 авторах словаря с указанием их основных работ, а также отсылок на те страницы, где напечатаны их статьи в данном издании.

В целом «Демографический энциклопедический словарь» является очень ценным в научном и практическом отношении изданием, потребность в котором назрела уже давно. Редакционная коллегия не связывала подготовку словаря «с завершением какого-то этапа в развитии современных знаний о народонаселении» и видела свою задачу в том, чтобы не только «отразить данный уровень научных знаний, но и способствовать выявлению и утверждению позитивных тенденций их развития» (с. 5). Думается, эта цель будет достигнута. Что касается этнодемографического направления научных исследований как одной из таких позитивных тенденций, то выход словаря должен придать ему дополнительный импульс к дальнейшему развитию.

О. Д. Комарова

НАРОДЫ СССР

В. А. Александров. Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в. М., 1984. 255 с.

Советская историческая наука за последние годы сделала значительные успехи в изучении надстроечных институтов антагонистических социально-экономических формаций. Среди них — обычное право. Оно стало предметом обсуждения на XVIII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории при Отделении истории АН СССР, состоявшейся 25—29 сентября 1980 г. в Воронеже. Однако, кроме публикаций, посвященных исследованию неписанного права народов, населявших бывшие окраины Российской империи, серьезных работ по обычному праву в нашей литературе мало.

В 1984 г. издательство «Наука» выпустило монографию В. А. Александрова «Обычное право крепостной деревни России. XVIII — начало XIX в.», которую без колебания можно назвать одной из лучших работ по истории обычного права. Объектом для изучения автор выбрал некоторые помещичьи вотчины XVIII — начала XIX в., т. е. периода разложения феодальных отношений и появления зачатков капитализма.

О необходимости комплексной разработки проблем перехода от одной общественно-экономической формации к другой неоднократно писалось в советской медиэвистике. Конкретно-историческая разработка института обычного права в России особенно актуальна, ибо предполагает изучение разных сторон организма феодального общества.

Актуальность темы определяется тем, что обычное право наряду с письменным законодательством составляло правовую основу феодального строя, было фактором, поддерживающим и консервирующим феодальные общественные и политические отношения в России. Без изучения обычного права и выработки научного знания о нем нельзя понять историю того или иного народа в классовом обществе. Актуальность темы определяется и тем, что в настоящее время в условиях идеологической борьбы особенно возрастают задачи разоблачения фальсификаторов исторического прошлого русского народа.

Работа В. А. Александрова представляет собой исследование, посвященное обычноразовым нормам, на основе которых осуществлялось общинное землепользование и поддерживались имущественные внутрисемейные отношения. Показано также значение подобного рода исследований для дальнейшего изучения социально-экономической истории русской деревни, ее хозяйства и быта.

Рецензируемая книга органически связана с опубликованным В. А. Александровым исследованием, посвященным сельской общине в крепостной вотчине России XVIII — начала XIX в., в котором основное внимание уделено функциональной деятельности общины в условиях ее подчиненности помещикам¹.

В первой главе — «Историографический обзор и постановка проблемы» — показано, что в историко-юридической литературе роль правовых обычаев в феодальном обществе оценивалась по-разному. Так, в «Общей теории государства и права», написанной коллективом ленинградских ученых, Г. И. Гальперин, характеризуя феодальный тип права «как сословное право, как право привилегий»², различал три этапа его истории: 1) на раннефеодальной стадии, при существовании общих сводов обычного права и княжеского законодательства, функционировании племенных обычаев, зарождении вотчинной юрисдикции и вотчинного права, обычное право являлось преобладающей формой; 2) в период феодальной раздробленности развивается местный правовой партикуляризм, отражавшийся в местных сборниках обычного права; 3) в процессе ликвидации феодальной раздробленности создаются единые кодексы национального права, регулирующие в масштабе всей страны феодальные отношения. На этом этапе преобладающей формой права становится закон, который вытесняет обычное право³. Другие авторы считали, что хотя создание централизованных государств подрывало партикуляризм права, многочисленные вопросы правовой жизни, по-прежнему решались на основе норм местного, обычного права⁴. Л. С. Явич⁵, далекий от положительной оценки обычного права, коль скоро оно, по его мнению, исключает активнотворческую роль правового регулирования, тем не менее допускал, что «даже в развитых формированиях действует, и подчас достаточно интенсивно, так называемый встречный правообразовательный процесс», когда система объективного права может существенно дополняться судебным правотворчеством и обычаями, санкционированными государством⁶. Наконец, третьи историки-правоведы отводят существенную роль обычаю только на раннефеодальной стадии права и безоговорочно признают его консервативным, отражающим лишь в некоторой степени общие моральные и духовные ценности народа и в большей мере — обывательские предрассудки, расовую и религиозную нетерпимость, неравноправие полов и т. п.⁷

Распространено также мнение, согласно которому обычное право — не что иное, как совокупность норм, образовавшихся в результате санкционирования государством обычаев. В. А. Александров справедливо считает такую трактовку обычного права недоразумением. Государственная власть может допускать бытование обычая, но допущение не синоним санкционирования: санкционированный же обычай становится законом, и при таком подходе само существование обычного права ставится под сомнение⁸. При ограниченном толковании значения обычая в праве феодального общества, особенно развитого, его функционирование все же признается в регулировании взаимоотношений между феодалами и крестьянами⁹.

Прав В. А. Александров, когда пишет, что в целом в теории государства и права обычное право рассматривается лишь как источник писаного права, а правоотношения, определявшиеся нормами обычного права и бытовавшие в социально разных слоях общества, прежде всего общинного крестьянства, или игнорируются, или рассматриваются как явление статичное, не подверженное в классовом обществе влиянию экономики, политической ситуации и даже писаного права. К сожалению, также поверхностно исследуют обычное право и некоторые историки. Так, например, А. А. Пушкаренко в статье «Обычное право позднефеодальной эпохи»¹⁰ пишет, что обычное право позднефеодальной России можно определить как совокупность правовых норм, которые сложились в качестве общественно значимых обязательных правил вне прямой нормотворческой деятельности государства в процессе длительной социально-исторической практики, соблюдались в силу привычки, под воздействием общественного мнения и в разное время в том или ином виде были санкционированы, признаны государственной властью.

Между тем марксистско-ленинская теория не оставляет сомнения в необходимости творческого осмысления обычно-правовых норм в феодальном обществе на всех этапах его существования. Основа такого анализа заключается в сословности феодального общества, которая была характерной чертой его социальной структуры. Сословное деление населения «спровождалось установлением особого юридического места в государстве для каждого класса»¹¹. Тщательный анализ источников позволил автору моногра-

¹ Александров В. А. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, 322 с.

² Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Исторические типы государства и права. М., 1971. С. 235—236.

³ Общая теория государства и права. Л., 1974. Т. 2. С. 61, 68, 69.

⁴ Марксистско-ленинская общая теория государства и права. С. 235—236.

⁵ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. М., 1979.

⁶ Там же. С. 76—77.

⁷ Марксистско-ленинская общая теория... С. 587.

⁸ Валеев Д. Ж. Обычное право и начальные этапы его генезиса. // Правоведение, 1974. № 6. С. 72.

⁹ Марксистско-ленинская общая теория... С. 233, 239.

¹⁰ Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 18—24.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 311.

фии заметить, что правовая обособленность сословий определила и элементы гражданской жизни, придав им сословное своеобразие и отразившись на мировоззрении представителей разных сословий.

Особый интерес представляет в работе глава третья, посвященная земельным отношениям в сельской общине по обычному праву, и четвертая глава, в которой исследуется проблема семейно-имущественных отношений по обычному праву в вотчинной деревне. В этих главах на современном методическом и методологическом уровнях изучаются конкретные формы взаимоотношения между членами сельской общины как основной административной, фискальной и правовой ячейки позднефеодального российского общества.

В. А. Александров убедительно доказывает, что феодальное право даже в крепостной вотчине далеко не всегда могло вторгаться во все детали крестьянской внутрисословной жизни. Разграничение социально-правового положения отдельных сословных групп феодального общества, учитывая особенности их хозяйственного и семейного быта, придавало специфичность обычаям, возникшим и бытовавшим внутри этих групп. Поэтому логика развития феодального права не всегда могла совпадать с правовыми принципами, определявшимися в форме обычая или прецедента в среде отдельных сословий.

Как бы ни подрывался централизованным феодальным государством партикуляризм права, как бы ни интегрировались, ни ассимилировались, ни подавлялись писаным правом обычно-правовые нормы, экономическая замкнутость хозяйства при его областных особенностях и социальная обособленность групп населения не могли не обуславливать бытование специфических норм гражданско-правовых отношений разных сословий в качестве реально действовавшего фактора социальной жизни. К. Маркс писал, что даже при смене форм производства право публичное и уголовное более непосредственно отражает в себе изменения классовой структуры и природы государства, нежели право гражданское, нормы которого могут сохраняться или приспосабливаться к новым обстоятельствам экономики и социальных отношений¹². Сохранность гражданских обычно-правовых отношений на протяжении длительного времени представляется тем более реальной при учете различного уровня экономической, культурной и бытовой жизни разных сословий.

В этой же связи заслуживает внимания меткое замечание К. Маркса в «Критике Готской программы»: «Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества»¹³.

Наконец, в том же общетеоретическом плане нельзя пройти мимо вопроса о роли обычая не только как регулятора экономических и гражданских отношений, но и как опоры социальных групп феодального общества в борьбе за свои политические и юридические права, в борьбе за удовлетворение своих жизненных интересов и даже за социальное существование, в борьбе с феодальным произволом, в том числе и санкционированным законом. В. А. Александров считает, что по мере развития законодательства, разносторонне кодифицировавшего привилегии феодалов, обычаи могли все более и более вступать в противоречие с законами. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса», посвященной германской действительности XIX в., К. Маркс четко отметил эту особенность: «...обычные права бедноты — это права, противоречащие обычаям позитивного права»¹⁴. В этом противоборстве обычая с законом, безусловно, можно уловить степень развитости обычно-правовых представлений угнетенных сословий, их взгляды на частно- и публично-правовые нормы, соответствующие их интересам, взглядам на учредения и лица, которые должны воплощать эти нормы в жизнь.

Именно поэтому законодательная власть даже в позднефеодальную эпоху вынуждена была или допускать существование обычаев, имевших правовой характер, или санкционировать их применение, апробируя через судебную практику, и, наконец, кодифицировать. Именно поэтому так или иначе писаное право находилось в постоянной взаимосвязи с обычаями.

В свою очередь, обычаи, существовавшие вне законодательных установлений, могли уживаться с ними или противостоять им. В собирательном смысле они в своей совокупности могут быть названы обычным правом с определенной долей условности, ибо далеко не всегда оно могло зиждиться на обычаях в прямом его понимании. Правоотношения, составлявшие обычное право, могли иметь типологически весьма разное и сложное происхождение — собственно устоявшийся обычай, прецедент (бытовой, хозяйственный и т. п.), трансформированная форма закона и т. п., но этот вопрос связан с историей обычного права и его соотношением с правилом, санкционированным государством, что должно быть предметом специального исследования. Вполне очевидно, что обычное право, в свою очередь, находилось в сложной и противоречивой взаимосвязи с кодифицированным правовым процессом, и глубоко ошибочно рассматривать его лишь как архаически сохранившийся пережиток.

Конечно, обычное право как надстроечное явление тормозило проникновение в деревню капиталистических отношений в период кризиса феодальной формации, и В. А. Александров хорошо показывает это в своей монографии.

В целом же, как уже говорилось в советской исторической, этнографической и историко-правовой литературе к обычному праву как надстроечному явлению, к сожалению, обращались не часто и имеющиеся исследовательские возможности использовались сла-

¹² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 736.

¹³ Там же. Т. 19. С. 19.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 127.

бо. Монография В. А. Александрова призвана восполнить этот ощутимый пробел. Рецензируемая книга представляет собой первое монографическое исследование обычного права в России позднефеодалной эпохи. Важность общего подхода к изучаемому явлению, убедительная аргументация основных положений, обоснованность выводов позволяют оценить эту работу как весомый вклад в научную разработку эпохи позднего феодализма и особенно его переходного периода к капитализму.

Хотелось бы пожелать Институту этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР и издательству «Наука» продолжить публикации, в которых рассматривались бы проблемы обычного права докапиталистического периода, ибо только этнографическая и историческая наука в своем сочетании способны объективно исследовать эти существенные вопросы. Весьма актуальны были бы исследования по обычному праву других групп крестьян — государственных, монастырских, удельных и т. п. Как ни парадоксально, но силы наших этнографов, историков и юристов были распределены неравномерно. Ими написаны удачные или менее удачные работы по обычному праву народов Кавказа, Средней Азии, Центральной и Юго-Восточной Азии, Тропической Африки. А вот по обычному праву России до сих пор систематических исследований почти не было.

А. И. Галбен

Е. С. Новик. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. (Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока»). М., 1984, 303 с.

Проблема соотношения фольклорных и этнографических фактов — одна из центральных для фольклористики и для этнографии. Современное осмысление этой проблемы связано с именами В. Я. Проппа, П. Г. Богатырева и Р. О. Якобсона, М. Элиаде и К. Леви-Стросса, Е. М. Мелетинского и Б. Н. Путилова. В сборниках «Фольклор и этнография», издаваемых Ленинградской частью Института этнографии АН СССР, постоянно публикуются исследования, связанные с вопросами, возникающими на стыке этнографии и фольклористики. В кругу этих и многих других работ рецензируемая книга Е. С. Новик займет особое место. Дело в том, что до сих пор проблема соотношения обряда и повествовательного фольклора рассматривалась, во-первых, преимущественно в генетическом плане и, во-вторых, внимание исследователей концентрировалось главным образом на многочисленных случаях поверхностного сходства между фольклорным нарративом и ритуалом. Общность глубинных, структурных закономерностей фольклора и ритуала по сути дела еще не раскрыта, несмотря на то, что такие попытки предпринимались. Пожалуй, самая известная из них «Исторические корни волшебной сказки» В. Я. Проппа. По справедливому замечанию Е. С. Новик, «В. Я. Пропп решил только половину задачи, сконструировав модель сюжета волшебной сказки, но не сконструировав аналогичную модель обрядов, с которыми он ее сопоставлял» (с. 12). В конечном счете именно поэтому В. Я. Пропп возвел восточнославянскую волшебную сказку к одному из переходных обрядов — обряду инициации, хотя для доказательства своей схемы оперировал и материалами других обрядов. Давно назрела необходимость выявить структурный инвариант обрядов как для выяснения общих закономерностей их функционирования, так и для сопоставления с уже разработанными моделями фольклорных повествований. В последнем случае необходимо, чтобы описания структур фольклорного повествования и ритуала были сопоставимы, т. е. выполнены в общей системе понятий. Именно такую задачу поставила перед собой Е. С. Новик и следует сразу сказать, что выполнила ее блестяще.

Материалом для работы послужили сибирские шаманские камлания и шаманские легенды. Книга состоит из трех частей. В первой дано описание синтагматики камланий. Во второй выявленная структура камланий сопоставляется с другими ритуальными комплексами (хозяйственными, переходными и календарными обрядами), причем основной акцент делается на системном характере обрядов. В третьей части морфология камланий сопоставляется с морфологическими схемами шаманских повествований.

Для выявления сюжетной организации камланий автор использовал схему, разработанную В. Я. Проппом в «Морфологии сказки». Она получила широкую известность и с успехом применяется фольклористами для описания не только волшебной сказки, но и других повествовательных жанров. И вот впервые эта схема используется для анализа этнографического материала. Это стало возможным благодаря рассмотрению обряда как текста и вытекающей отсюда сюжетности камланий (как, впрочем, и других ритуалов). Сам факт распространения пропповской схемы на этнографический материал говорит, во-первых, о том, что объяснительные возможности этой схемы далеко не исчерпаны и, во-вторых, свидетельствуют о творческом подходе к методике В. Я. Проппа, который сам не распространил свою методику на обряды.

Полученные Е. С. Новик результаты не только позволяют корректно сопоставлять обряд и нарратив, но и, что не менее (а может быть, и более) важно, имеют сугубо этнографическое значение: необычайно разноплановый и, казалось бы необъятный материал, связанный с сибирским шаманизмом, приобрел вдруг четкость и стал легко обозримым. Но за этим «вдруг» стоит не только огромная работа, но и безусловный талант исследователя.

Сравнивая между собой внешне разные камлания, Е. С. Новик приходит к выводу, что все они имеют изоморфную структуру. «В центре любого из них находится в качестве объекта некая ценность, обозначаемая шаманистами с помощью различных терминов, которые условно переводятся этнографами как „душа“, „сила“, „жизненность“,